

УДК 930:314

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕТА НАСЕЛЕНИЯ В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Л.Ф. Абзалов, кандидат исторических наук

Рассмотрение вопроса организации учета населения в Монгольской империи позволяет более полно уяснить и охарактеризовать структуру государственного управления этой могущественной державой. Известно, что организация системы управления в Монгольской империи предполагала проведение учета населения в финансово-фискальных, а также военно-мобилизационных целях, что свидетельствует о высоком уровне организации управленческой деятельности, особой политической идеологии, позволяющей за столь короткий промежуток времени внедрить такие сложные, с организационной точки зрения, механизмы государственного управления. Данный факт с очевидностью свидетельствует об уникальности созданной Чингисханом политической системы, но в то же время может указывать на недостаточную изученность начальных этапов становления Монгольского государства.

Основной целью данной статьи является рассмотрение процесса организации учета населения в Монгольской империи.

Несмотря на то что имеющиеся в нашем распоряжении источники дают отрывочные сведения, они все же позволяют, в некоторой степени, воссоздать целостную картину процесса организации учета населения. Источниковую основу нашего исследования составляют сочинения современников рассматриваемых событий, среди которых: «Тайная история монголов», отчеты южносибирских послов и западноевропейских дипломатов и миссионеров (Пэн Дая, Сюй Тин, Иоанн де Плано

Карпини и др.), данные персидских и армянских авторов (Ата-Малик Джувайни и др.), а также материалы более позднего происхождения («Джами аттаварих», «Юань-ши», русские погодные записи)¹.

Главная задача учета кочевого населения была, прежде всего, связана с военными нуждами. Для успешного ведения военных кампаний требовалась информация о наличных ресурсах, находившихся в распоряжении правителя или полководца². Очевидно, в кочевой среде данные о численности военнообязанного населения не находили своей письменной фиксации, что представляется вполне естественным, если учесть тот факт, что до определенного времени у монголов отсутствовала письменность.

Военно-политическая организация центральноазиатских кочевников предполагала разделение населения на подразделения, основанные на десятичной системе, что было характерно и для монгольского общества. Эти традиции нашли свое дальнейшее развитие и более строгое закрепление в ходе реформ Чингисхана³. Ата-Малик Джувайни и Абу-л-Фарадж пишут о существовании закона (ясы), закрепляющего положение того или иного человека в соответствующей военной единице и запрещающего ему своевольный переход из приписанного подразделения⁴. Персидский автор с похвалой и назиданием отмечает: «Смотр и учет войска ведутся так, что пропала необходимость записывать результаты проверки и содержать специальных людей и их помощников. Ибо все разделены на десятки, и

из каждого один человек назначен начальником над другими девятью»⁵.

В соответствии с реформами Чингисхана в степи каждый воин должен был знать свою принадлежность к тому или иному военному подразделению. Такая ситуация была характерна, прежде всего, для периода существования т.н. кочевых империй, в том числе и Монгольской⁶. Очевидно, общая, но часто приблизительная численность войска определялась количеством соответствующих должностей в военнополитической иерархии империи, то есть исходя из количества тысячников или темников. Чингисхан, вероятно, знал приблизительную, насколько это необходимо и возможно, численность своей армии. Например, на курултае 1206 г. помимо всего прочего речь шла о 95 тысячниках. Но в то же время следует помнить о том, что в рассматриваемую эпоху числа воспринимались не так строго определенно, как в наше время, по крайней мере, величины, обозначающие большое количество⁷. Поэтому в распоряжении тысячника не всегда была тысяча воинов, их могло быть больше или меньше⁸.

Учеты населения были практикуемы монголами не только для комплектования своих войск, но и для распределения захваченной добычи⁹. Чжао Хун по этому поводу пишет: «Во всех случаях, когда [татары] разбивают оборону города и захватывают добычу, то распределяют ее пропорционально. Каждый раз все от высшего до низшего независимо от количества [добычи] оставляют одну часть для преподнесения императору Чингису, а остальное раздается повсюду [чиновникам] в зависимости от рангов. Получают свою долю также министры и другие [лица], которые находятся в Северной пустыне и [даже] не приезжают на войну»¹⁰. Если Джамал ад-Дин Абу-Абдаллах Мухаммад ибн-Салем и Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Фазлаллах пишут о разделении захваченного имущества и доходов с завоеванных земель на три части¹¹, то ал-Муфаддал ибн Абу-л-Фадаил, вероятно опираясь на

соответствующую мусульманскую традицию, говорит о разделении на пять частей, которые в свою очередь распределяются на три неравные части¹².

Практически все источники, описывающие монгольские завоевания, говорят о проведении монголами учета покоренного населения городов, в том числе и для доукомплектования своих отрядов и, очевидно, комплектования новых¹³. Помимо постоянного пополнения своих войск, военные действия предполагали их частую перегруппировку и выделение известной их части на приоритетные направления монгольской экспансии: «Определили, чтобы из всех дружин Чингисхана, которые поделили между сыновьями, братьями и племянниками [его], на каждые десять человек выделили бы по два человека, не вошедших в счет, и передали в качестве инджу¹⁴ Хулагу-хану, чтобы они отправились вместе с ним и служили бы здесь. В силу этого все, назначив [людей] из своих сыновей, родичей и нукеров, отправили их вместе с войском на службу Хулагу-хану»¹⁵.

Монголы также установили порядок, в соответствии с которым подчинившиеся горожане должны были выделять десятую часть всего движимого имущества, а также людей, проживающих в этом населенном пункте, что в свою очередь также предполагало проведение учета. Об этом пишет Иоанн де Плано Карпини: «Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те сдались в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: «Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю» [...] И вот чего Татары требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества. Именно они отсчитывают десять отроков и берут одного и точно так же поступают и с девушками; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. Остальных они считают и распределяют согласно своему обычаю»¹⁶.

Из массы подчиненного населения, как мы видим, выделялись различные категории и группы. Если мужское население пополняло армию и в значительной мере выполняло функции хашара¹⁷ (большей частью это были жители малых населенных пунктов и сел)¹⁸, то женское превращалось в наложниц и слуг монгольских воинов (как известно, значительную часть работы в кочевом хозяйстве выполняла женщина). Также выделялись ремесленники¹⁹ и образованные люди²⁰. В сочинении Ата-Малика Джувайни можно встретить немало упоминаний об этом: «Крепость [Зарнука] сравнивали с землей; людей сосчитали по головам, отобрали из них юношей и молодых мужчин для нападения на Бухару, остальных же отпустили по домам»²¹. Даже во время больших погромов умерщвлялись не все; уцелевшие, как правило, подвергались учету и перераспределению: «На следующий день после того, как город и крепость [Самарканда] сравнялись друг с другом в разрушении и разорении и множество эмиров, солдат и горожан испили из чаши гибели, когда [...] огненный лик солнца загорелся на круглом подносе небес, были сосчитаны люди, уцелевшие под ударами сабель; тридцать тысяч были отобраны за их мастерство, и их Чингисхан поделил между своими сыновьями и родичами, и такое же число было отобрано из молодых и отважных, для того чтобы составить невольничье войско»²².

Возможно, и в деле организации массовых казней практиковалась доказавшая свою эффективность десятиричная система. Иоанн де Плано Карпини пишет: «Назначенных на убиение они разделяют между сотниками, чтобы они умерщвляли их обоюдоострою секирою; те же после этого разделяют пленников и дают каждому рабу для умерщвления десять человек или больше, или меньше, сообразно с тем, как угодно начальствующим»²³. Эти сведения можно сравнить с данными Ата-Малика Джувайни: «Чингисхан приказал согнать жителей Балха, больших и малых. Муж-

чин и женщин, на поле и поделить их по обычаю на сотни и тысячи и предать мечу»²⁴. Но при этом следует заметить, что достоверность сообщаемой автором информации относительно постигшей жителей Балха трагедии, исследователями подвергается обоснованному сомнению²⁵.

Практика учета населения применялась и во время последующих завоеваний монголо-татарской армии: «Он [Хулагу] отправил Китбука-нойона с тридцатью тысячами всадников, чтобы отразить их. Когда Китбука-нойон подошел близко, он вызвал [к себе] Хусам-ад-дина: «Поход-де на Багдад решен твердо и есть нужда в твоём совете». Хусам-ад-дин явился без раздумья и промедления. Китбука взял его под стражу и сказал: «Ежели хочешь спастись и быть постоянно хакимом этих крепостей, то выведи всех из крепостей: своих жен, детей, приверженцев и войска, *дабы я их пересчитал* и наложил на них налог и копчур»²⁶. Хусам-ад-дин не нашелся, как помочь себе, и всех представил»²⁷ и далее: «Он [Хулагу] [...] промолвил халифу: «Скажи, чтобы жители города сложили оружие и вышли, *дабы мы произвели им счет*»²⁸. О подобной практике пишет и армянский автор Магакия: «После того они взяли Иконию и всю страну с ее великими селами и монастырями; пошли на Севастию, овладели ею посредством орудий, но не умертвили людей. Они ограничились тем, что отняли их имущества, *переписали всех жителей* и наложили на них подати по своему обыкновению, мал и тагар»²⁹.

Таким образом, жители всех подчиненных монголам городов подвергались учету, прежде всего, с целью перераспределения захваченной добычи или доли доходов, в соответствии с принятыми нормами, что являлось эффективным механизмом противодействия возможным конфликтам между представителями монгольского командования. Известно, что так называемые «денежные» или «имущественные» вопросы вызывают наибольшую напряженность во взаимоотношениях в рам-

ках всякого общества. Помимо этого данные, в том числе и по численности населения, полученные в процессе завоевательных походов, могли быть использованы для установления военно-политического контроля, а также в ходе дальнейшей экспансии.

После завершения военных кампаний в том или ином регионе монгольские власти назначали своих наместников, в задачу которых входил контроль над покоренным населением, в первую очередь за деятельностью местной администрации: «Летом (май—начало августа 1223 г.) [Чингисхан] скрывается от жары у реки Парван. Царевичи Джучи, Чагатай и Угэдэй соединились с войсками Бала-[нойона]. Вследствие чего установили порядок в разных городах Западного края и поставили там даругачи надзирать за ними»³⁰. В дальнейшем, с укреплением своих позиций и развитием имперских институтов власти, монголы приступали к организации учета населения, что мы можем наблюдать во всех вновь завоеванных землях с оседло-земледельческим населением.

Очевидно, до эпохи правления Угэдэя в Монгольском государстве не проводилось систематизированного учета оседло-земледельческого населения. Но следует заметить, что еще в 1206 г. Чингисхан дает поручение Шиги-Хутуху по распределению улусов среди представителей правящего рода и монгольской аристократии. Эти сведения фиксировались в особом реестре — «Синей книге»³¹. Исходя из этого мы можем говорить о том, что практика письменной фиксации, некоторой особо важной информации, связанной с перераспределением улусов в Монгольском государстве, находила свое применение уже в годы правления Чингисхана. В последующем эта практика должна была найти свое дальнейшее развитие.

По данным «Юань ши», на курултае 1229 г. принимается решение об организации учета ханского населения в провинции Хэбэй, а также в землях Западного края (т.е. Туркестане и Мавераннахре)³². В биографии Елюй Чу-

чая говорится о том, что он сумел уже к 1231/1232 гг. организовать сбор налогов в ряде провинций Северного Китая³³. Осенью 1233 г. последовало очередное распоряжение: «Провести внесение в реестр дворов в округах Срединной [равнины], куда было внесено более 730 000 дворов»³⁴. Здесь следует отметить, что вышеприведенная цифра отражает лишь часть податного населения. По предположению Т. Олсена, все население Северного Китая было разделено на три категории: гражданское, военнообязанное и население уделов, принадлежащих представителям правящего класса³⁵.

А в 1234 г. уже рассматривался вопрос об учете населения во вновь завоеванных китайских провинциях, во время обсуждения которого предлагалось подушное обложение налогами, но по обоснованию Елюй Чуцая было решено сохранить здесь традиционную подворную единицу обложения³⁶. Летом 1236 г. было проведено новое исчисление населения в тех областях Северного Китая, которые находились в подчинении монголов³⁷.

В дальнейшем с завоеванием Хорасана проводится учет населения и в этих землях. Вероятно, еще при монгольских наместниках Чормагуне и Чин-Тимуре были произведены некоторые подсчеты населения с целью взимания налогов и сборов с местного населения. Об этом может свидетельствовать тот факт, что Куркуз просит Чинкая не отстранять Шараф ад-Дина от должности везира, мотивируя это тем, что ему необходим помощник, знающий реестровые книги прошлых лет: «Коргуз, с одобрения Чинкая, воспротивился этому решению на том основании, что без Шараф ад-Дина невозможно было разобраться со счетами за столько прошлых лет»³⁸. Но в то же время, очевидно, отсутствовал надлежащий контроль за доходами, подлежащими уплате в ханскую казну. С назначением Куркуза на должность наместника Хорасана и Мазендарана здесь был организован повторный и более масштабный учет населения: «Коргуз привел в порядок дела Хорасана и Мазендарана и

обеспечил защиту имущества жителей. [...] Он провел новую перепись и пересмотрел размер налогов»³⁹.

Постоянное расширение империи требовало уточнения старых и получения новых данных, поэтому учет населения производился в течение всего правления очередного хана. Как и другие важные вопросы государственной политики, решение о проведении учета населения, очевидно, принималось на курултаях. Поэтому вполне возможно, что во время курултая 1246 г. рассматривался и этот вопрос. Сохранились сведения о проведении учета населения и в годы правления Гуюка. В «Юань ши» говорится: «Зимой, в двенадцатой луне (29 декабря 1247 г. — 27 января 1248 г.) было внесение податных дворов в реестр»⁴⁰. Учет населения был произведен и в западных частях Монгольской империи. Об этом пишет Киракос Гандзакечи: «Хан Гиуг, став великим государем войска татарского в их стране, тотчас послал сборщиков податей в свои войска, расположенные в покоренных ими различных краях и областях, собрать в них десятую долю добычи войска всякого рода и подать с гаваров и государств, которые были завоеваны ими: с персов, мусульман, тюрок, армян, грузин, агван и всех народов, подвластных им»⁴¹.

После завершения Западного похода монголо-татарской армии на Руси, в Булгаре и Крыму должны были появиться имперские численники. Вероятно, что с восшествием на престол Гуюка в русские города направляются имперские чиновники для проведения учета населения. Каких-либо оснований для противодействия этим мероприятиям у Бату не было, он продолжал проявлять свою лояльность к Гуюку. Возможно, именно об этом событии, опираясь на сведения своих русских информаторов, пишет Иоанн де Плано Карпини: «А когда они получают полную власть над ними, то, если что и обещали им, не исполняют ничего, но пытаются повредить им всевозможными способами, какие только соответственно

могут найти против них. Например, в бытность нашу в Руссии, был прислан туда один Саррацин, как говорили, из партии Куйюк-кана и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань [...]»⁴².

Надо полагать, практика учета населения должна была распространиться и на другие южнорусские города. Г.В. Вернадский, правда, без ссылок на источник, пишет: «Первую перепись в Западной Руси провели еще в 1245 г.; тогда были обложены налогом: Киевская земля, Подолия и, возможно, Переяславская и Черниговская земли»⁴³. Действительно, можно предположить, что учет населения, помимо Киева, был произведен и в других городах. Вполне возможно, что прибытие Даниила Галицкого к Бату (1246 г.) каким-то образом было связано с появлением в Киеве каанского представителя (откупщика?), о котором пишет Иоанн де Плано Карпини. Но каких-либо конкретных сведений о проведении подобного рода мероприятий в других городах Южной Руси мы не имеем⁴⁴.

В соответствии с принятой традицией, имперских чиновников сопровождали представители различных ветвей династии Чингисидов, прежде всего, той ее ветви, в сфере влияния которой находился тот или иной населенный пункт, или же представители великого хана, в случае если речь шла об имперских наместниках⁴⁵. В приведенном выше фрагменте Иоанн де Плано Карпини пишет и о представителе Бату, который, вероятно, защищал интересы своего господина.

Но все же, надо полагать, тотального учета оседло-земледельческого населения Улуса Джучи произведено не было. Тому имелись свои причины, которые были связаны как с трудностями организации этого сложного дела, так и с краткостью правления великого хана Гуюка.

Очевидно, на великом курултае 1251 г., наряду с другими важными решениями, было принято постановление о проведении нового учета населения империи. После разрешения некоторых политических проблем⁴⁶ власти, вероятно, приступили к намеченному делу. В «Юань ши», в трактате «Войска», имеются сведения о том, что в 1252 г. был составлен первый общий реестр, в котором были зафиксированы все подлежащие призыву военные дворы/кибитки (т.е. как из кочевого населения, так и из оседлого)⁴⁷. В 1253 г. состоялась «регистрация дворов простого народа» в ханьских землях⁴⁸, а также в Иране, Ираке и Закавказье.

Ата-Малик Джувайни пишет об аудиенции наместника Хорасана и Мазендарана Аргун-аги у великого хана и утверждении его на прежний пост, что в свою очередь предполагало проведение учета населения и в этих землях. Вернувшись в Хорасан Аргун-ага приступает к организации этого важного дела. Ата-Малик Джувайни, по известным причинам, достаточно подробно освещает деятельность Аргун-ага в этом направлении: «Когда эмир Аргун прибыл в Хорасан, явились все министры и садры⁴⁹, и он велел зачитать ярлыки и растолковал ясы Менгу-каана чиновникам по сбору налогов и мутасаррифам⁵⁰. И с каждого он взял письменное обещание, что он не нарушит их положения и не будет относиться с пренебрежением к тому, что изложено в них; и что тот, кто совершит что-то противное им и допустит притеснение жителей, тем самым становится преступником и подвергает себя наказанию. И в соответствии с королевским указом он назначил эмиров и секретарей, которые несколько дней вместе размышляли о том, каким дол-

жен быть копчур, который было приказано ввести. Наконец, было решено, что после проведения переписи его размер должен составить 70 рукнийских динаров в год с десяти человек, которые должны выплачиваться ежегодно. После этого он назначил эмиров и секретарей, которые должны были организовать проведение переписи и сбор копчура. В Хорасан и Мазендаран он назначил двух или трех монгольских эмиров, которые прибыли как представители принцев, а также Наку, своего собственного родственника, Ходжу Фахр ад-Дина Бихишти, улуг-битикчи, и министра Изз ад-дина Тахира, [своего] полномочного заместителя. В Ирак и Йезд он отправил Найматая и моего отца, сахиб-дивана»⁵¹.

Эмир Аргун, сделав соответствующие назначения, направляется в орду Бату для решения некоторых вопросов, среди которых, надо полагать, не последнее место имели вопросы, связанные с учетом населения в Закавказье. Как полагает В.П. Костюков, Бату не разрешил имперским чиновникам проведение учета не только в русских землях, но и в Закавказье, поэтому к разрешению проблемы был спешно подключен эмир Аргун⁵². Все же, мы полагаем, что Бату не стал противиться решению курултая о проведении учета населения в рамках всей Монгольской империи. По мнению Т. Олсена, Аргун-ага прибывает к Бату для консультации по вопросам организации учета населения⁵³. При этом, учитывая статус Бату в имперской иерархии Чингисидов, Мункэ было необходимо заручиться его согласием, как это, впрочем, практиковалось и прежде.

Это согласие представляется еще более очевидным по той причине, что Бату просил у великого хана причитающейся ему доли доходов, вероятно, исходя из того, что он сам исправно выполнял свои обязательства: «Чжуван Бату прислал с визитом Тобчака, просить [разрешения] приобрести жемчуг и серебро на 10 000 дин⁵⁴. Дали ему 1000 дин. Вследствие этого был издан высочайший указ для него [Бату], гла-

сящий: «Богатсва Тайцзу и Тай-цзуна подобным образом были израсходованы, как можно одарить чжувана таким пожалованием! Вану следует хорошеньковникнуть в это. Серебро, что [ему] выдали, это только то количество, которое разрешено к пожалованиям на нынешний и будущий год»⁵⁵.

Скорее всего, Бату дал такое согласие, так как после их встречи Аргун-ага направляется в Закавказье и приступает к учету населения: «Затем он отправился через Дербент в Грузию, Арран и Азербайджан и завершил работу по проведению переписи, введению купчура и оценке величины налогов, после чего выехал в Ирак»⁵⁶. У армянских авторов по этому поводу имеется существенное дополнение. Киракос Гандзакеци пишет о представителе Бату сопровождавшего эмира Аргуна в его поездке в Закавказье: «Итак, в 703 (1254) году армянского летосчисления Мангу-хан и великий военачальник Батый послали востикана по имени Аргун (получившего еще повелением Гиуг-хана должность главного сборщика царских податей в покоренных странах) и еще одного начальника из рода Батыя, которого звали Тора-ага, с множеством сопровождающих их лиц провести перепись всех племен, находившихся под их властью»⁵⁷. Такого же представителя мы могли видеть и у Иоанна де Плано Карпини (см. выше). Получается, что и в годы правления Гуюка, и в годы правления Мункэ Бату действовал в рамках общепринятых норм, которые, вероятно, были установлены еще при Угэдэе.

Очевидно, что Бату не имел формальных оснований для запрета проведения учета населения в русских землях. Улус Джучи в середине XIII в., как известно, являлся составной частью единой Монгольской империи. Следует помнить, что и сам Чингисхан понимал, что управлять огромными территориями из одного центра будет практически невозможно⁵⁸, поэтому и разделил государство между своими сыновьями. Но в то же время он позаботился о механизмах сохранения госу-

дарственного единства, что нашло свое выражение в установлении контроля за деятельностью улусных правителей со стороны своих ставленников. К каждому из сыновей Чингисхан назначил своих приближенных, которые должны были принимать участие в управлении улусом⁵⁹. Впрочем, и здесь сохранялся монархический принцип вертикали власти, поэтому ханские представители находились в подчинении у главы улуса. Но даже назначение представителей центральной власти не обеспечивало полной гарантии сохранения единства государства, так как определенные Чингисханом лица постепенно формировали высшую элиту улуса, интересы которых должны были переплетаться с интересами правящей в улусе династии. Поэтому требовалось принятие более действенных мер, направленных на сохранение Великого Монгольского государства, в том числе и идеологического характера, такие меры были предприняты в годы правления великого хана Угэдэя⁶⁰.

Все же источники позволяют говорить о большей обособленности Джучидов, по сравнению с остальными ветвями династии Чингисидов, от коренного юрта. Вероятнее всего это объясняется удаленностью территорий Улуса Джучи, но нельзя исключать и влияния субъективных факторов, связанных с раздорами между старшими сыновьями Чингисхана, а также имперскими амбициями Угэдэидов, а затем и Толуидов. Очевидно, что Джучиды не проявляли при этом желания к полному отделению своего улуса из состава Монгольской империи, в этом, надо полагать, не было особой надобности, при всем этом у них отсутствовал необходимый для этого потенциал. Трудно представить, чтобы Джучиды начали открытый конфликт с Каракорумом, не закрепившись прочно во вновь завоеванных землях.

Джучиды в связи со сложившейся ситуацией были, прежде всего, обеспокоены своим положением в имперской иерархии, так как Угэдэй в союзе с Чагатаем стремился расширить свою

власть в ущерб интересам Джучидов⁶¹, что должно было вызвать соответствующую реакцию со стороны последних. Но все же стремление Джучидов расширить свою власть и влияние не должны, на наш взгляд, сразу же увязываться со стремлениями к отделению от коренного юрта. В то же время каждая из сторон обращалась к авторитету Чингисхана, что свидетельствовало об отсутствии четко выраженных устремлений к независимости у Джучидов. Ни Орда, ни Бату и ни один из сыновей Джучи и даже их первых преемников не предпринимали открытых и четко выраженных действий, направленных на обретение пресловутой независимости.

Но все же, несмотря на противодействия со стороны центра, обстоятельства складывались в пользу укрепления власти Джучидов. Успешное завершение Западного похода 1236—1242 гг. и включение в состав империи новых территорий должны были повлечь за собой организацию контроля над этими территориями со стороны имперской власти, как это практиковалось прежде (при завоевании империи Цзинь и Государства Хорезмшахов). Еще в эпоху правления Чингисхана появляются особые наместники, управлявшие вновь завоеванными территориями от имени великого хана (в источниках можно встретить различные наименования этих должностей: даруги, баскаки, шихнэ⁶²). Свое дальнейшее развитие и окончательное оформление институт имперских наместников, вероятно, находит при каане Угэдэе.

Понятно, что для организации института имперских наместников в Улусе Джучи требовалось определенное время, но в связи с начавшимся междоусобицей этот процесс, надо полагать, затягивался. В то время как непосредственное управление обширными пространствами Улуса Джучи находилось в руках Джучидов.

Вероятно, оседло-земледельческие центры были подведомственны имперской администрации⁶³, которая и занималась организацией учета населения в этих землях. Доходы с них соответству-

ющим образом распределялись между представителями золотого рода⁶⁴. И именно для справедливого распределения нужно было знать предполагаемую общую сумму сборов⁶⁵.

Наряду с городами, находившимися в подчинении Каракорума, были города, передававшиеся в инджу для обеспечения монгольских царевичей необходимыми товарами оседло-земледельческих центров. Возможно, что для Джучидов таковым городом был Ургенч в Хорезме. И не случайно Ата-Малик Джувайни пишет о баскаке Хорезма, назначенном самим Джучи⁶⁶. Здесь также уместно обратиться к данным ан-Насави, который пишет: «Немного спустя в Мавераннахр явился Души-хан со своими воинами. Он послал к ним (жителям Хорезма) людей, предупреждая их и предостерегая, и обещал им пошадую, если они сдадут его (Хорезм) без боя, и сказал, что Чингиз-хан подарил [город] ему и что он воздержится от его разрушения и намерен сохранить [город] для себя. Об этом будто бы свидетельствует то, что за время своего пребывания вблизи от него (Хорезма) это войско не предпринимало набегов на его сельские местности, отличая Хорезм от других областей большей заботой и большей милостью, опасаясь за него, чтобы он не стал жертвой судьбы ущерба и чтобы его не достигла рука уничтожения»⁶⁷.

В то время как остальные города к западу от Яика вплоть до тех пределов, куда доходили «копыта монгольских коней», находились в ведении Каракорума. В свою очередь, различные ветви Чингисидов имели в своем личном распоряжении степные пространства, необходимые для кочевания их собственных улусов. Возможно, это является одной из причин того, почему Бату строит новую столицу в своих степных владениях, а не задерживается в Булгаре. Царевичи, надо полагать, не имели права свободного распоряжения доходами городов, по крайней мере, не только они претендовали на эти доходы.

Такая организация власти обеспечивала единство Монгольской импе-

рии, так как в улусе каждого Чингисида были владения представителей других ветвей золотого рода⁶⁸, что создавало дополнительную связь между улусными правителями: «Когда в старину Чингиз-хан производил раздел между четырьмя сыновьями, он каждому сыну назначил собственность во владениях другого сына, чтобы из-за этого между ними постоянно ездили послы»⁶⁹. Мы можем видеть владения Джучидов в Северном Китае⁷⁰, Мавераннахре⁷¹, Хорасане и Мазендаране⁷². Следует отметить, что речь в данном случае не идет о полном контроле, а лишь о получении части доходов с определенных земель⁷³. Возможно, что первоначально эти представители царствующего рода назначали своих чиновников-даругачи и битикчи для взимания налогов и сборов, но в дальнейшем с укреплением центральной власти эта практика была прекращена: «Елюй Чуцай доложил [Угэдэю] о неправильности [этого], поэтому последовало повеление: прекратить титулованным особам ставить [своих] даругачи, а податные поступления с вышеуказанных дворов им будут выдавать чиновники, назначенные двором каана; и без получения высочайшего указа — не смей [самим] набирать солдат и собирать подати»⁷⁴. Между тем в западных владениях эта практика сохранялась еще в течение некоторого времени. Исходя из этого можно говорить о наиболее ярком признаке процесса обособления улусов Монгольской империи, который проявлялся в погромах и убийствах представителей той или иной ветви Чингисидов в городах, находящихся на подведомственной территории, принадлежавшей другому представителю династии⁷⁵.

Если исходить из того факта, что подобные владения были и в других улусах, то и в улусе Джучи, являвшемся частью единой империи, должна была применяться подобная практика. Возможно, что в ведении Каракорума находились города Хорезма, Булгарии, Руси, Северного Кавказа и Крыма. Еще А.Н. Насонов выдвинул гипотезу

относительно подчиненности русских городов имперскому центру⁷⁶. Такого рода сведения имеются и в отношении города Судак в Крыму. Ал-Муфаддал пишет: «Пошлины и другие доходы с Судака делились между четырьмя татарскими царями. Одним из них был этот Токтай»⁷⁷. А по данным Муин ад-Дина Натанзи, Чагатай получал доходы с Кята и Хивы, хорезмийских городов, входивших во владения Джучи⁷⁸. Шариф ад-Дин Йезди пишет о каанском квартале Ургенча, доходы с которого должны были передаваться Чагатаидам⁷⁹. Рашид ад-Дин также пишет о доле Тулуя в Дашт-и Кыпчаке⁸⁰.

В 1253 г. в «Юань ши» писали о проведении учета населения в русских княжествах: «Битикчи Берке внес в реестр количество дворов и населения русских»⁸¹. Но для реализации намеченных планов имелись определенные трудности, в связи с которыми учет населения на Руси начался лишь в 1257 г.⁸² Значительные временные рамки между направлением имперских численников из Монголии (1253 г.) и их появлением на Руси (1257 г.), по мнению Т. Олсена, были обусловлены рядом факторов, но при этом они не были связаны с противодействием Джучидов. Среди причин, способствовавших затягиванию процесса учета населения в Улусе Джучи (по сравнению с другими улусами здесь учет населения проводился дольше всех), можно назвать смерть Бату, Сартака и Улагчи. Другая причина заключалась в том, что территории Улуса Джучи значительно отличались от Китая и Ирана, с их развитыми чиновничье-бюрократическими традициями, где при наличии необходимого количества квалифицированных кадров можно было провести учет населения за сравнительно короткие сроки, в то время как на огромных просторах Улуса Джучи подобная практика вовсе отсутствовала⁸³.

Очевидно, в Булгарии, Крыму⁸⁴ и на Кавказе в конце 40–50-х гг. XIII в. был проведен учет населения. Т. Олсен со ссылкой на грузинскую хронику от-

мечает, что такого рода мероприятия в указанное время также были проведены в Хазарии (Крыму), Осетии (Алании), Дашт-и Кыпчаке и «странах мрака», куда входили Булгар и Сибирь. Дополняя эти данные сведениями из «Юань ши», Т. Олсен пишет об организации учета населения в 1254 г. в Алании⁸⁵.

По предположению Т. Олсена, процесс учета населения монголами мог обозначаться термином *togha* или *to'a* (*to'o*) в значении «цифра, число»⁸⁶. В этом же значении применяется обозначение рассматриваемого процесса в русских летописях («число») и персидских сочинениях (*shumārah* (шумаре))⁸⁷. В дополнение к этому следует привести тюркский эквивалент этого термина, который как в древности⁸⁸, так и на современном этапе передается словом «сан». В словаре «Мукаддима́т ал-Адаб» также приводятся слова и выражения, связанные со счетоводством и учетом. Например, по-монгольски выражение «включил его в счет» передается следующим образом: «*töndu bariba tüni*», по-тюркски — «*sanarğa tuttî añi*»⁸⁹. Т. Олсеном было также подмечено, что полученные в результате регистрации населения данные должны были фиксироваться на нескольких языках. Одна копия писалась на местном языке (например, на китайском в Китае), другая на монгольском или на уйгурском языке, для имперского секретариата⁹⁰.

Проведение учета на местах организовывалось даругачи при непосредственной поддержке и содействии местных властей. Так, Киракос Гандзакечи пишет: «Даже князья — владельцы областей ради своей выгоды стали их сообщниками в притеснениях и требованиях»⁹¹. Русский летописец еще более ярко характеризует рассматриваемый аспект: «Тои же зимы приехаша окаянны сыродцы, внуци Агарины робы Авраамля, Берка и Касачик и с женами своими, и иных много; и бысть мятеж велик в Новгороде, и по волости много зла учиниша, беруще туску окаянным Татарам. И нача окаянные бояться смерти, рече Александру: «Даи нам сто-

рожь, дашь нас не избийють»⁹². Т. Олсен полагает, что во время пребывания Андрея и Александра Ярославовичей у великого хана также мог обсуждаться вопрос об организации учета населения в русских землях. В итоге Андрей Ярославович должен был обеспечить проведение учета в Северо-Восточной Руси, а Александр Невский был ответствен за Новгородские земли⁹³.

Делом непосредственного учета населения занимались битикчи, в силу того, что это входило в их обязанности⁹⁴. Очевидно, что в тот или иной город направлялась группа лиц, которую возглавлял назначенный центром битикчи. Такой вывод можно сделать на основе сведений, содержащихся в «Джами аттаварих»: «[Государь] повелел, чтобы в каждую область отправился расторопный битикчи, подробно, деревня за деревней, описал всю область [...] Поэтому мы отправили во все владения битикчиев, чтобы они подробно переписали каждую область, уезд и деревню и так установили бы денежный налог и подати, чтобы весь народ успокоился, благодарил и был этим доволен»⁹⁵.

Сведения о технике сбора информации по учету городского населения можно обнаружить в Новгородской первой летописи: «И почаша ездити окаянные по улицам, пиущие дома крестьянские»⁹⁶. В данные учета, надо полагать, вносили все мужское население в возрасте от 15 лет. Впрочем, средневековые авторы приводят неодинаковые возрастные рамки. Например, армянский автор Киракос Гандзакечи пишет: «Начиная с десяти лет и старше всех, кроме женщин, записали в списки»⁹⁷. Другой армянский автор, инок Магакия, в своей «Истории народа стрелков» отмечает, что считали людей в возрасте от 15 до 60 лет⁹⁸. В «Юань ши» речь идет о 15-летних юношах, при этом следует заметить, что здесь говорится о военнообязанных. Но в то же время здесь же сообщается, что и подростки, не достигшие указанного возраста, также заносятся в реестры: «Их [т.е. войск империи] организация

[такова]: мужчины в семье, старше 15 и меньше 70 [лет], все сколько ни есть — зарегистрированы в призывном реестре как воины [...] [Когда они] на коне — готовы сражаться, а когда без коней — то собираются, чтобы пасти и выращивать скот. Ребята, которые еще не взрослые, все равно вписываются в этот [призывной] реестр и называются “корпус подрастающих”»⁹⁹.

Фискальный учет предполагал включение в реестры (дефтеры) различных категорий населения, в том числе земледельцев и ремесленников, а также представителей купечества: «Но этим они (мугал-татары) не довольствовались; всех ремесленников, будь то в городах или селах, они обложили податью. И рыбаков, промысляющих рыбной ловлей на морях и озерах, и рудокопов, и кузнецов, и красильщиков — [всех обложили податью]. Да нужно ли мне подробно рассказывать? Были закрыты людям все пути к получению доходов, и лишь сами они получали доходы. Все соляные копи как в Кохбе, так и самых разных местах были отняты. Нажились они и на торговцах и собрали огромное богатство — золото, и серебро, и драгоценные камни. И так, обобрав всех, повергнув страну в горе и бедствие, они оставили злых востиканов [т.е. наместников] в тех странах, чтобы они взыскивали то же самое ежегодно по тем же спискам и указам»¹⁰⁰. У Ата-Малика Джувайни читаем: «И поскольку постоянным занятием купцов было получение прибыли, каждый из них должен платить свою часть налогов в том месте, в котором он числится по переписи [курсив мой. — Л.А.], на основании равенства с остальными»¹⁰¹.

Из массы населения, подвергавшегося учету, исключались представители духовенства, старики, женщины, а также некоторые члены отдельных аристократических семей, имевших определенные заслуги перед монгольскими властями: «Но с духовенства не взыскивали никаких податей ибо не было у них на то приказа от хана. Точно так же и с сыновей Саравана: Шнорхавора

и Мкртыча — людей богатых и знатных»¹⁰². Русские летописи также пишут об исключении духовенства из числа вносимых в дефтеры: «Тое же зимы бысть число и изочтоша всю землю Русскую *только не чтоша кто служит у церкви* [курсив мой. — Л.А.]»¹⁰³. Первоначально, а именно до 1240 г., не учитывали и рабов царевичей и представителей высшей аристократии: «Были записаны в податный народ [те] мужчины и женщины, которые держались в плену всеми царевичами и высшими сановниками»¹⁰⁴.

Всю полученную информацию фиксировали в особых книгах, реестрах, так называемых дефтерах, которые, вероятно, направлялись в Каракорум через орду улусного правителя (в дальнейшем с обретением независимости подобная информация могла концентрироваться в орде правителя Улуса Джучи¹⁰⁵). В Каракоруме эти данные фиксировались и передавались на хранение. Учитывая то, что монголы тщательно оберегали всевозможную информацию о своей численности и численности своей армии, и тому подобные сведения, можно с уверенностью говорить о том, что и сведения о численности населения носили конфиденциальный характер.

В заключение особо следует отметить, что необходимость организации учета населения, закономерно определялась экспансионистской политикой имперского механизма управления, нормальное функционирование которого требовало использования соответствующей информации, создания некой базы данных, на основе которой принимались управленческие решения.

Итак, завершая нашу статью, можно сделать следующие выводы:

- Чингисхан внедрил в структуру государственного управления, традиционную для кочевников, десятиричную систему учета военнообязанного кочевого, позднее и оседло-земледельческого населения;

- начало учету населения было положено в годы правления Чингисхана,

но систематический характер они приняли во время правления Угэдэя;

- проведение учета населения городов, в ходе масштабных завоевательных походов, было связано с необходимостью установления военно-мобилизационных резервов, а также в целом для военно-стратегических и тактических задач;

- учет населения был также необходим для перераспределения захваченной добычи в соответствии с принятыми нормами, прежде всего, для предотвращения конфликтов среди представителей правящей верхушки;

- организация учета населения в ходе завоевательных кампаний свидетельствует о стратегической продуманности военных операций монголов,

командование которых опиралось на принцип целесообразности, так как понимало необходимость ресурсного обеспечения широкомасштабных военных действий;

- во всех вновь присоединенных землях власти приступали к организации учета населения, учету подлежало все мужское население империи, достигшее определенного возраста, за исключением некоторых категорий;

- инициирование учета населения происходило на курултаях, его организацией занимались имперские наместники, при содействии местной администрации, а непосредственным его осуществлением — битикчи, которые вели особые реестры — «дефтеры».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ссылки на соответствующие издания см. ниже.

² В «Тайной истории монголов» не раз говорится о проведении переучета армии по приказу Чингисхана, см.: *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niiuča tobčijan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборонок. — М.; Л., 1941. — С. 133, 144, 189; См. также: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. с перс. *Л.А.Хетагурова*; ред. и прим. *А.А.Семенова*. — Т. I. — Кн. 2. — М.; Л., 1960. — С. 126.

³ См. подробнее: *Кычанов Е.И.* Военно-административная система и управление государства Чингизидов // *История татар*. — Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. — Казань, 2009. — С. 96; *Усманов М.А.* Реформы и Йаса Чингиз-хана // Там же. — С. 102–103.

⁴ *Джувейни Ата-Мелик*. Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / Пер. с перс. *Дж.Э.Бойла*. Предислов. и библиография *Д.О.Моргана*. Пер. с англ. на рус. *Е.Е.Харитоновой*. — М., 2004. — С. 24; *Вернадский Г.В.* О составе Великой Ясы Чингисхана // *Исследования и материалы по истории России и Востока*. — Вып. I. — Брюссель, 1939. — С. 55; Ср. с данными: Юань ши // *Золотая Орда в источниках*. — Т. III. Китайские и монгольские источники / Пер. с кит. яз., введ. ст. и комм. *Р.П.Храпачевского*. — М., 2009. — С. 169.

⁵ *Джувейни Ата-Мелик*. Чингисхан... — С. 23.

⁶ Г.М. Давлетшин обратил внимание на древние корни бытующих в современном татарском языке фразеологизмов типа «сансыз кеше», «санга сугу», «санга санамау» и т.д., в буквальном переводе означающих «не имеющего числа человека», «(не) ставить в число», «не брать в число» в значении «не считаться, не принимать во внимание», см.: *Дәүләтшин Г.М.* Төрки-татар рухи мәдәниятә тарихы. — Казан, 1999. — Б. 181.

⁷ *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. — М., 1986. — С. 138; *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. — М., 1984. — С. 69.

⁸ См. например: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. с перс. *Л.А.Хетагурова*; ред. и прим. *А.А.Семенова*. — Т. I. — Кн. 1. — М.; Л., 1960. — С. 144.

⁹ Известно, что еще в 1182 г., во время организации похода против татар, Чингисхан отдает приказ, в соответствии с которым добычу следовало делить только после окончательного разгрома противника.

¹⁰ *Мэн-да бэй-лу* («Полное описание монголо-татар»). — Пер. с кит. *И.Ц.Мункуева*. — М., 1975. — С. 67–68.

¹¹ *Ибн Салем (Ибн Васил)* // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — Т. I. Извлечения из арабских сочинений, собранные *В.Г.Тизенгаузеном* / Подгот. к нов. изд., введ., доп. и комм. *Б.Е.Кумекова, А.К.Мунинова*. — Алматы, 2005. — С. 83; *Шихаб*

ад-Дин Абдаллах ибн Фазлаллах (Вассаф-и хазрат) // История Казахстана в персидских источниках. — Т. IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Воиным / Отв. ред. М.Х. Абушеитова. Перераб. и доп. — Алматы, 2006. — С. 165.

¹² *Ал-Муфаддал* // СМИЗО. — Т. I. — Алматы, 2005. — С. 147. См. также: *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. — М., 1972. — С. 32–33.

¹³ См. например: Письмо брата Юлиана о жизни татар // Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана / Сост., вступ. ст., комм., указ., подбор илл. и карт М.С. Гатина, Л.Ф. Абзалова, А.Г. Юрченко. — Казань, 2008. — С. 240.

¹⁴ Инджу — доход, собственность, личный удел, удовлетворяющий потребности двора и войска монгольского царевича (*Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. — Т. V. — М., 1968. — С. 146).

¹⁵ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. А.К.Арендса, отв. ред. В.В.Струве. — Т. III. — М.; Л., 1946. — С. 23.

¹⁶ История монгалов / *Дж. дель Плано Карпини.* — Путешествие в Восточные страны / *Г. де Рубрук.* — Книга Марко Поло / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. — М., 1997. — С. 58. Ср. с данными Киракоса Гандзакеци (*Киракос Гандзакеци* // Образование Золотой Орды... — С. 151). См. также: *Петрушевский И.П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV вв. — М.; Л., 1960. — С. 350.

¹⁷ Хашар (*ар.*) — население завоевываемой области, использовавшееся на тяжелых вспомогательных работах, чаще всего осадных.

¹⁸ См. подробнее: *Петрушевский И.П.* Земледелие и аграрные отношения... — С. 32–33; *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингисхана. — М., 2004. — С. 241–242.

¹⁹ Например, в «Джами ат-таварих» читаем: «7 числа месяца раби-ал-ахыра подошли к городу Туну и, установив каменеты, сразились. 19 числа заняли шахристан, перебили всех, кроме ремесленников [здесь и далее курсив мой. — Л.А.], и с победой и славою явились на служение к Хулагу-хану и направились к Тусу [...] Город Мавсиль был завоеван. Уцелевших горожан предали мечу, а часть ремесленников увели в полон, так что в Мавсиле никого не осталось» (*Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. — Т. III. — С. 28). Иоанн де Плано Карпини пишет: «А когда те [горожане] выйдут к ним, то Татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором», см.: *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов. — С. 57.

²⁰ Абу-л-Фарадж пишет, что в соответствии с Ясой Чингисхана: «Должно возвеличивать и уважать чистых, невинных, праведных, грамотеев и мудрецов какого бы то ни было племени, а злых и неправедных презирать», см.: *Вернадский Г.В.* О составе Великой Ясы Чингисхана // Исследования и материалы по истории России и Востока. — Вып. I. — Брюссель, 1939. — С. 54.

²¹ *Джувейни Ата-Мелик.* Чингисхан... — С. 67.

²² Там же. — С. 82.

²³ *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов. — С. 57.

²⁴ *Джувейни Ата-Мелик.* Чингисхан... — С. 89.

²⁵ См.: *Юрченко А.Г.* Книга Мрако Поло: записки путешественника или имперская космография. — СПб., 2007. — С. 86–95.

²⁶ Копчур (*монг.*) — в источниках XIII в. копчур встречается в трех разных значениях: налог вообще; налог с пасущихся стад в размере 1% и подушный налог с оседлого населения.

²⁷ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. — Т. III. — С. 39.

²⁸ Там же. — С. 44.

²⁹ История монголов инока Магакии, XIII в. / Пер. и объяснения *К.П.Патканова.* — СПб., 1871. — С. 18.

³⁰ Юань ши... — С. 159.

³¹ *Allsen T.* Mongol imperialism. The policies of the grand qan Мцнгке in China, Russia, and the Islamic lands 1251–1259. — Berkeley; Los Angeles; London, 1987. — P. 116–117.

³² Юань ши... — С. 164.

³³ *Мункуев И.Ц.* Китайский источник... — С. 190.

³⁴ Юань ши... — С. 168.

³⁵ *Allsen T.* Mongol imperialism... — P. 129. Вероятно, также обстояли дела и в других владениях Чингисидов. Например, в русских источниках можно обнаружить так называемых

численных людей, под которыми, как пишет Л.В. Черепнин, понимали население, обложенное данью, предназначенной, главным образом, для татарских надобностей, см.: *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. – Ч. I. – М.; Л., 1948. – С. 19.

³⁶ *Мункуев И.Ц.* Китайский источник... – С. 193.

³⁷ Юань ши... – С. 171

³⁸ *Джувейни Ата-Мелик.* Чингисхан... – С. 357.

³⁹ Там же. – С. 352.

⁴⁰ Юань ши... – С. 179.

⁴¹ *Киракос Гандзакец.* История Армении // Образование Золотой Орды... – С. 151.

⁴² *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов. – С. 58.

⁴³ *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь / Пер. с англ. *Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой.* – Тверь; М., 1997. – С. 147.

⁴⁴ В Ипатьевской летописи отсутствуют какие-либо упоминания об этом мероприятии в южно-русских городах, а поездка Даниила Романовича к Бату здесь датируется 1250 г., см.: Ипатьевская летопись // ПСРЛ. – Т. II. – М., 1998. – Ст. 806. Следует помнить, что еще Н.М. Карамзин отмечал, что хронология второй, интересующей нас части Ипатьевской летописи «во всех известных случаях неправильны и отмечены переписчиком гадательно», см.: ПСРЛ. – Т. II. – СПб., 1843. – С. IX. В Софийской летописи под 1245 г. имеется сообщение о прибытии послов Бату в Киев. Но здесь трудно сказать что-либо определенно об учете населения Киева, см.: Софийская первая летопись // ПСРЛ. – Т. V. – Л., 1925. – С. 231.

⁴⁵ *Джувейни Ата-Мелик.* Чингисхан... – С. 370.

⁴⁶ См. подробнее: *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. – М.; СПб., 2006. – С. 242–249.

⁴⁷ Юань ши... – С. 278.

⁴⁸ Там же. – С. 190.

⁴⁹ Садр (*араб.*) – глава, старейшина, начальник, почетное звание ученого.

⁵⁰ Термином «мутасариф» в этот период могли обозначать как назначенного правителя, так и местного наследственного владельца, имевшего право на сбор ренты и налога.

⁵¹ *Джувейни Ата-Мелик.* Чингисхан... – С. 371.

⁵² *Костюков В.П.* Иранский поход Хулагу: предыстория // Золотоордынская цивилизация. – Вып. 2. – Казань, 2009. – С. 78–79.

⁵³ *Allsen T.* Mongol imperialism... – P. 136.

⁵⁴ Дин (*кит.* «слиток») – денежная единица, 50 лян (лян – 37,3 г) серебра.

⁵⁵ Юань ши... – С. 191.

⁵⁶ *Джувейни Ата-Мелик.* Чингисхан... – С. 373.

⁵⁷ *Киракос Гандзакец.* История Армении // Образование Золотой Орды... – С. 156–157.

⁵⁸ Это подтверждается фактом выделения улусов своим сыновьям. Первое выделение, как известно, произошло после похода Джучи на «лесные народы» 1207–1208 гг. В дальнейшем это находит свое выражение в словах, приписываемых самому Чингисхану, сказанных во время спора, возникшего между Чагатаем и Джучи: «А ты, Чжочи, что скажешь?». Чжочи, говорит: «Чаадай уж сказал. Будем служить парой с Чаадаем. Высказываемся за Огодая!» – «К чему же, – говорит Чингисхан, – к чему же непременно парой? Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше – будем отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья», см.: *Козин С.А.* Сокровенное сказание... – С. 186. Но при этом следует заметить, что здесь прослеживается ретроспективный характер повествования.

⁵⁹ Там же. – С. 176.

⁶⁰ См. подробнее: *Костюков В.П.* Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2007. – № 1. – С. 169–207.

⁶¹ *Почекаев Р.Ю.* Батый... – С. 66–67.

⁶² Шихнэ (*ар.* гарнизон) – должность, соответствующая коменданту города, стоявшему во главе гарнизона. Лицо, занимавшее эту должность, несло ответственность за безопасность и порядок в городе, см.: *Пириев В.З.* О некоторых вопросах государственного устройства при хулагуидах и джаларидах (по материалам «Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб» Мухаммада ибн Хиндушаха Нахчивани) // СВ: проблемы и перспективы. – М., 1988. – С. 200.

⁶³ Например, Мавераннахр входил в состав владений Чагатая, в то время как городами этого региона управлял имперский наместник, сначала Махмуд Ялавач, в дальнейшем его сын Масуд-бек.

⁶⁴ Г.А. Федоров-Давыдов, комментируя приказ Чингисхана, относительно распределения населения, данный Шиги-Хутуху, пишет, что: «Чингисхан имел, вероятно, в виду различные формы эксплуатации кочевого и оседлого населения. Кочевников дают в удел кочевой аристократии, оседлых «разверстывают по районам», то есть закрепляется часть поступлений с оседлых районов в пользу того или иного правящего дома» (*Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй...* — С. 31 (прим. 30)).

⁶⁵ См. также: *Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй...* — С. 32.

⁶⁶ *Джувейни Ата-Мелик. Чингисхан...* — С. 343.

⁶⁷ *Шихаб ад-дин ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны.* — М., 1996. — С. 133.

⁶⁸ Например, Вильгельм де Рубрук в своих «Путевых заметках» пишет о некоем замке аланов на Северном Кавказе, который принадлежал Мункэ (*Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны.* — С. 181–182). Очевидно, здесь речь идет о г. Магасе, в завоевании которого принимал участие будущий великий хан (Юань ши... — С. 175).

⁶⁹ История Казахстана в персидских источниках. — Т. IV. — С. 353 (прим. 40).

⁷⁰ В «Юань ши» говорится: «Пожаловать дворы простого народа из всех округов Срединной равнины различным князьям [из рода Чингисхана] и прочим родственникам и членам орды, выделив [их следующим образом]: для Бату — в округе Пиньянфу; для Чагатая — в округе Тайюаньфу; для Гуюка — в округе Даминфу...», см.: Юань ши... — С. 172. Под 1252 г. в «Юань ши» также говорится о выделении уделов чжуванам: «Каждому в [следующих] местах: Кодану — в землях Бешбалыка; Мелику — [в землях] у реки Иртыш; Хайду — в землях Каялыга; Берке — в Грузии», см.: Юань ши... — С. 187–188. См. также: *Почекаев Р.Ю. Сведения о Золотой Орде в «Книге о великом хане // ТС.* — 2006. — М., 2007. — С. 260–273.

⁷¹ Например, Джучиды получали доходы с Бухары, Самарканда и Термеза. См. подробнее: *Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом.* — М.; СПб., 2006. — С. 67.

⁷² Здесь уместно вспомнить везира Шараф ад-Дина, представителя Бату в Иране, который контролировал сбор налогов в пользу Джучидов, см.: *Джувейни Ата-Мелик. Чингисхан...* — С. 362–363. В «Насировых разрядах» Джузджани пишет, что «в каждой иранской области, подпавшей под власть монголов, ему (Бату) принадлежала определенная часть ее, и над тем округом, который составлял его удел, были поставлены его управители», см.: История Казахстана в персидских источниках. — Т. IV. — С. 41. О доле доходов с иранских земель также сообщает ал-Умари, см.: *Ал-Умари // СМАЗО.* — Т. I. — Алматы, 2005. — С. 177–178.

⁷³ *Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды.* — М., 1972. — С. 31.

⁷⁴ Юань ши... — С. 173.

⁷⁵ См.: *Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Фазлаллах (Вассаф-и хазрат) // История Казахстана в персидских источниках.* — Т. IV. — С. 164–165; *Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. Ю.П.Верховского; прим. Ю.П.Верховского и Б.Н.Панкратова.* — Т. II. — М., 1960. — С. 163.

⁷⁶ *Насонов А.Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси).* — М.; Л., 1940. — С. 30, 50.

⁷⁷ *Ал-Муфаддал // СМАЗО.* — Т. I. — Алматы, 2005. — С. 153.

⁷⁸ История Казахстана в персидских источниках. — Т. IV. — С. 353.

⁷⁹ *Шараф ад-Дин Йезди // История Казахстана в персидских источниках.* — Т. IV. — С. 303.

⁸⁰ *Рашид ад-Дин. Сборник летописей.* — Т. II. — С. 108.

⁸¹ Юань ши... — С. 190. Подробнее о проведении учета населения на Руси см.: *Allsen T. Mongol imperialism...* — Р. 134–143.

⁸² По данным Воскресенской летописи (конец XVI в.), под 1255 г. говорится: «Тое же зимы приехаша численницы из Татар, и сочтоша всю землю Русскую, и поставиша десятиники и сотники, толико не чтоша игуменов, и попов и чренцов», см.: Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. — Т. VII. — СПб., 1856. — С. 161.

⁸³ *Allsen T. Mongol imperialism...* — Р. 141.

⁸⁴ Об учете населения Судак см. также: *Джанов А.В. Политический статус и администрация Сугдеи в XIII — первой половине XIV в. // Сугдея, Сурож, Солдаия в истории Руси-Украины. Материалы научной конференции.* — Киев — Судак, 2002. — С. 96; *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени.* — Симферополь, 2009. — С. 282.

⁸⁵ *Allsen T. Mongol imperialism...* — Р. 139.

⁸⁶ См. также: *Кручкин Ю.* Большой современный русско-монгольский и монгольско-русский словарь. — М., 2006. — С. 574, см. также. — С. 320.

⁸⁷ *Allsen T.* Mongol imperialism... — P. 135. См. также: Персидско-Русский словарь / Под ред. Ю.А.Рубинчика. — Т. II. — С. 36.

⁸⁸ ДТС. — Л., 1969. — С. 483.

⁸⁹ *Ponne H.H.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. — Ч. 1–2. — М.; Л., 1938. — С. 352. См. также: Codex Cumanicus. — Edited by G.Kuun with the prolegomena to the Codex Cumanicus by L.Ligetti. — Budapest, 1981. — P. 39.

⁹⁰ *Allsen T.* Mongol imperialism... — P.119.

⁹¹ *Киракос Гандзакеци.* История Армении // Образование Золотой Орды... — С. 157.

⁹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950. — С. 310.

⁹³ *Allsen T.* Mongol imperialism... — P. 138.

⁹⁴ По данным Мухаммада Хиндушаха Нахчивани, в хулагуидской администрации существовало особое ведомство «Диван-и битикчи», которое занималось сбором налогов и их учетом. См.: *Хатиби С.* Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. — Ашхабад, 1985. — С. 37.

⁹⁵ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. — Т. III. — С. 253, 257.

⁹⁶ Новгородская первая летопись... — С. 311.

⁹⁷ *Киракос Гандзакеци.* История Армении // Образование Золотой Орды... — С. 157.

⁹⁸ История монголов инока Магакии, XIII в. / Пер. и объяснения *К.П.Патканова.* — СПб, 1871. — С. 25.

⁹⁹ Юань ши... — С. 211–212.

¹⁰⁰ *Киракос Гандзакеци.* История Армении // Образование Золотой Орды... — С. 157.

¹⁰¹ *Джувейни Ата-Мелик.* Чингисхан... — С. 439.

¹⁰² *Киракос Гандзакеци.* История Армении // Образование Золотой Орды... — С. 157.

¹⁰³ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. — Т. I. — М., 2001. — С. 524. См. также ханские ярлыки русским митрополитам.

¹⁰⁴ Юань ши... — С. 176.

¹⁰⁵ Известно, что в хулагуидском Иране подобная информация также направлялась в орду: «Честно и справедливо исправив счетоводство прежних лет, [следует] прислать в Большую Орду полные дафтары и общие реестры, чтобы мы были вполне осведомлены и понимали доходы и расходы городов и деревень, которые расположены в той стороне в горах и на равнине», см.: *Рашид ад-Дин.* Переписка. — М., 1971. — С. 223–224.

Аннотация

В статье рассматривается процесс организации учета населения в Монгольской империи. В рамках представленного материала разбираются следующие вопросы: когда, каким образом и с какой целью проводился учет населения в Монгольской империи? На основе анализа известных источников автор делает вывод о том, что необходимость организации учета населения закономерно определялась возникшими имперскими институтами управления, нормальное функционирование которых требовало использования соответствующей информации, на основе которой принимались управленческие решения.

Ключевые слова: Монгольская империя, учет населения, десятичная система, имперские наместники, битикчи, дефтеры.

Summary

The article deals with the analysis of population census in the Mongol empire. In frames of the presented material the main questions of this article are: when, how and for what purpose was the population census held in the Mongol empire? Based on the analysis of well-known sources the author concludes that the necessity of population census was naturally determined by imperial institutions of management and on this basis management decisions were taken.

Key words: The Mongol Empire, population census, decimal system, imperial governors, bitikchi, defters.